

же сочинение г. Эрдмана обогащено многими филологическими замечаниями, то я полагаю с своей стороны, что издания в свет на казенный счет и от имени Университета Совет затрудняться не должен.

Г-ну Эрдману приходится быть цензором всего более своих собственных сочинений [12]. Это бы требовало некоторой оговорки с определением его. Совет своими постановлениями пополняет в этом случае недостаток цензуры. Но почему же на Университете должна лежать обязанность всякое сочинение о восточной словесности печатать на казенный счет и причислять к сочинениям от Университета и для Университета издаваемым. По крайней мере ограничить, какого рода должны быть сии труды, по моему мнению, было бы не лишним.

Некоторые находят большое удовольствие для себя видеть свое в печати. К числу таких охотников принадлежит наш Рыбушкин. Первый листок Прибавлений к Вестнику начал с стихов на Новый год сказанного сочинителя. Политические статьи, кажется, придают много занимательности для города. Сиротский наш Вестник авось будет лучше, потому что мы хоть насильно делаем его известнее, рассылая даром; а в известности творения и самые творцы будут попечительнее. План Вестника так обширен, что журнал не иначе может становиться лучше, как получив одно только из направлений под искусным и достойным руководством; следовательно, усовершенствование долго еще будет оставаться при своем начале.

Может быть, с уставом учебных заведений, с отчуждением Сибири, а в особенности с Уставом университетов дозволено будет профессорам более заниматься ученостию и снискивать славу на сем поприще, а не в канцеляриях и с отчетами.

Бухгалтер спешит и не чает успеть к сроку. До окончания отчета принуждены мы отложить поверку записанного по кабинетам в прошедшем году; да и впредь делать то же.

Студенты ведут себя как нельзя лучше: ни малейшей шалости. О библиотеке скоро представлю Вам ученое исследование Фойгта. Мы рассуждаем с ним о системе. Много хорошего сделать невозможно. Каталог доведен почти до 7000 номеров. За сей работой другие потребуют каждая много времени, терпения и трудов.

Не испытывая более Вашего терпения и не отнимая у Вас более времени, которое Вы умеете посвящать трудам, я оканчиваю письмо засвидетельствованием Вам отличного моего уважения, с которым и всегда буду называться,

Милостивый государь.

Вашим покорнейшим слугою

Николай Лобачевский

1829

Генв. 15.

Помета Мусина-Пушкина: «26 генв[аря] 1829».

ГК, № 7. Модз., № 284.

8. М. Н. Мусину-Пушкину (17 января 1829)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

Правление представляет длинное описание того, что им по требованию ревизирующей Комиссии до сих пор было сделано. Мы были довольны с нею терпеливы, хотя могли видеть, на каких правилах с нами поступают. Теперь уже слишком далеко простирается ее неблагонамеренность и слишком обнаруживается желание принести нас в жертву. Она думает, что с ее изворотами останется в стороне и что никогда не будет принуждена оправдывать себя,

лишь бы не переставала обвинять нас. Настает время обратиться к Вам. Я припоминаю, что Вы мне сказывали, будто отклонили от себя принять председательство в Комиссии, предоставляя себе право защищать нас. Мы нуждаемся в этом покровительстве уже давно и просили Вас о нем, когда изъясняли, сколько обременительно давать ответы по посылаемым вопросам Комиссией; что Канцелярия Правления недостаточна и при обыкновенном ходе дел; что с учреждением Комиссии не вздумали увеличить числа чиновников в Университете; что, кроме сего недостатка, явная несправедливость обременять нас и их очищением дел, запущенных другими; наконец, что Комиссия во зло употребляет обязанность нашу давать ей объяснения и что она, кроме случаев недоразумения своего, наглым образом заставляет нас работать вместо себя, требуя составления ведомостей, разных выписок из дел, чтобы могла и обязана сама делать после того, как забрала к себе все бумаги, которые ко времени обревизования счетов относятся. Этого всего еще было не довольно. Намерение Комиссии держать нас в кабале всеми средствами, даже не заботясь о благовидности предлогов, и винить нас перед г. министром, будто бы все дело стоит за одними нами. Например, Комиссия замечает Правлению, что в книге кассира не во всей подробности описано, за что и почему какая сделана выдача денег. Замечание нелепое; иначе в книгу кассира должны бы войти все журналы о денежных выдачах и все отчеты. Того более нелепо толкование Комиссии, что в статьях книги у кассира должно быть выставлено, по какому журналу определена выдача и в каком деле надобно об ней смотреть. Как бы то ни было, если действительно должны быть так ведены шнуровые книги, то пусть Комиссия с окончанием своего поручения донесет о таком опущении Университета и укажет, какому подлежат лица взысканию по законам. Чем же мы теперь виноваты, что это было при директоре Владимирском, и чем же Владимирский прав, что он выбыл из Университета. Нам вместо него надобно теперь бороться с Комиссией, когда мы не были и участниками в его делах. Правление отвечало Комиссии, что если нужны пополнения к статьям в книгах кассира, то пусть она именно скажет, к каким и чего недостает. Это значит, что требование не могло уже к нам воротиться ближе трех месяцев, если бы Комиссия захотела заняться вопросами. Этого, видно, не было в расчете, и она замолчала. Другой пример: в § 90 Устава сказано, что верные копии с описей кабинетов должны находиться при делах Совета. Комиссия, не находя другого случая придаться к Совету, взялась за этот и требует доставить к ней все описи. Спрашивается, с какою это целью сделано? Комиссия учреждена для проверки счетов, следовательно, прямая ее обязанность удостовериться в справедливости и согласии приходов с расходами. Она видит в книге у кассира, что деньги профессору выданы, в шнуровых книгах, веденных профессорами, что деньги на приход записаны и не расходованы, — чего ж ей более надобно. Единственно хочет запутать Совет, предполагая, что описей или нет, или в чем-нибудь будет затруднение их доставить, после чего она может ссылаться, что Совет ей мешает оканчивать свое дело. Может быть, Вам покажутся наши требования увеличенными, чтобы затруднить начальство; но я Вам на это скажу по совести, что мы гораздо справедливее в этом случае и гораздо умереннее Комиссии и что, несмотря на это, большую бы нам милость оказали, если бы освободили от бедовой Комиссии, сказавши, в чем состоит наша обязанность и какая обязанность Комиссии, а не отдавали бы нас совсем уже на съедение людей паразитных и кабальных. Нам совсем нельзя иметь дело с ними, это неравный бой. Их нарядили исследовать незаконные расходы денег; а они сами расходуют деньги незаконно. Розен и Власов подряжают писцов, нанимают чиновников, потом утверждают, что и деньги им выдали, которые им и возвращаются. В наших делах таких примеров против законов нет. После этого мы вправе говорить, что нас преследуют, а следователей наших закры-

вают. Так, верно, и будет продолжаться, покуда Вы не захотите нас защитить. Вы, на которых я надеюсь, зная Ваши достоинства, справедливость и потому всегда с почтением называясь

Милостивый государь

Вашим почтеннейшим слугою

Николай Лобачевский

1829

Генв[аря] 17.

Помета Мусина-Пушкина карандашом: «27 генв[аря]».
ГК, № 8. Модз., № 285.

9. М. Н. Мусину-Пушкину (31 января 1829)

Милостивый государь

Михаил Николаевич

Вот и уставы учебных заведений ^[13]. Благодаря милостям и попечениям царя ученым чиновникам даны выгоды и преимущества, которые делают состояние их безбедным, а службу лестной. Университеты должны быть много облегчены в управлении округом, когда оно разделено на директоров и смотрителей по порядку подчиненности. Почетные попечители будут весьма полезны, в особенности для пенсионеров, если они будут то, чем предполагаются, *sine qua non* ¹⁾. Случай тот же, что и с обыкновенными дворянскими выборами. Может быть, настало время, когда многое пойдет к лучшему обратным путем, которым прежде шло к падению. Названия не так хорошо продуманы. Казалось бы, приличнее называть всех попечителями, прибавляя: училища, гимназии, округа; или почетный смотритель, почетный директор и один попечитель округа.

Для нашей гимназии, исключая 80 казенных воспитанников, ничего не сделано особенного. Вероятно, обучение восточным языкам оставляется для института. При казенных воспитанниках надобно еще чиновников, если они не предположены, с учреждением пенсионера и на счет взноса пенсионеров, что, впрочем, было бы несправедливо. Довольствоваться же жалованьем сих чиновников из 400 р., отпускаемых на содержание каждого воспитанника, невозможно, ибо сбережения не могут быть так велики, чтоб отсюда осталось по 800 р. надзирателям и эконому; да и как же принимать сих чиновников в действительную службу, если их по штату не назначено.

Важный теперь вопрос, скоро ли устав будет приводиться в исполнение ^[14]? Вам это должно быть хорошо известно. Не оставьте удовлетворить мое любопытство. Училищный комитет не уничтожается. Напрасно, если бы останется на прежнем положении. Если бы преобразование началось в нынешнем году! Неужели не суждено мне, покуда я ректор, видеть улучшение и облегчение в управлении, которое поистине обременительно сверх сил, запутано и беспорядочно свыше всякого понятия.

Отчет Университета окончен и уж два дня, как переписывается. Около 5 февраля будут готовы два экземпляра, которые к Вам и будут отправлены, третий получите также вскоре или уже здесь, если поспешите оставить С. Петербург. В отчете и в этот раз оставлены в долгу за мною 166 р.: на нынешний день, наконец, отыскали при разборе нерешенных дел две пиуровые книги физического кабинета с моим донесением, записанным в 1825 году во входящую книгу канцелярии, следовательно, это дело решенное. Ведомости для Комиссии изготовляются, но с трудом. Сведения должны быть взяты из дел Совета и Учил[ищного] комитета, где еще более путаницы, нежели в старых делах Правления. Власов весьма недоволен Петровым. Напрасно я говорю,

¹⁾ Без чего нет (лат.), т. е. *необходимое условие*.